

СЕРГЕЙ ШИШМАРЕВ.

ОГНЕННЫЙ ЗМІЙ.

Роман.

(Продолжение).

— Ты, Вася, сам посуди: ну достаточно ли это дѣло, если на каждом пожарищѣ зачнут мѣдныя трубки обнаруживать? Нешто это модель? Въдь таким манером Аверьян Лукич вѣрно смолоду орудовал, — при царѣ Косарѣ, — а нынче прогресс не тот пошел. Нынче и гимназисты ловчатся чего поумнѣ придумать. В таких дѣлах теперь прежде всего фантазмагорія требуется. Принимаешь. А трубки разныя — это дрянн, дѣтская забава, а не дѣло.

Вася слушал молча, брови сдвинув, а потом и спрашивает:

— Какую же фантазмагорію имѣешь в виду? Фитили что ли какіе или еще чего?

Пиротехник засмѣялся и глазами по моему бюсту прошелся, ровно рукой провел.

— Нѣтъ, — говорит, — фитиль — это ты себя встави, куда ни на есть, а для фантазмагоріи никаких фитилей не требуется. С фитилем и дурак тебѣ подожжет чего угодно, а в нашем дѣлѣ, пиротехническом то есть, это — старая штука! Теперь, брат, прогресс науки, куда дальше этих штук махнул. Нынче, главное дѣло, чтобы каждый раз обязательно новый хортель был. Тогда никакой слѣдователь тебѣ ничего сдѣлать не в состоянн, потому одна пожар на другой непохож будет. — Понимаешь?

— Понимать то я понимаю это, — Вася говорит ему, — да отколь же столько хортелей нам набрать? Въдь их, поди, на базарѣ не купишь?

Пиротехник опять прошелся

по моей фигурѣ глазами и солидно так сказал:

— На этот счет тебѣ беспокоиться нечего, это уж наше дѣло, пиротехническое. Настоящій специалист по своему дѣлу всегда приладится. Вот хотя бы теперь с Утрясловым, с Савелием Корбиным...

Я так и вскинулась. Батюшки, думаю, никак они и этого новаго поклонничка моего успѣли уже к дѣлу пришить?

— Чего же с Утрясловым то, — спрашивает Вася.

— А то и есть, что фантазмагорія ему требуется очень тонкая. Наливная баржа, [сам понимаешь, всегда под охраной находится: команду то в такую дѣла мѣшать невозможно. Куда ж ты теперь с трубками своими сунешься? Керосин, брат, ахчет так, что и ног не унесешь!]

— Это что и говорить! Керосин — топливо серьезное.

— То-то вот и оно! А с фантазмагоріей дѣло выходит окончательно плевое и ни малѣйшаго риска! Сиди себя на бережку да в воду поплеывай для времяпрепровожденія.

— Чего ж теперь дѣлать то нам слѣдует?

— А болѣе ничего как заглянуть всѣ мѣдныя трубки стариковскія к чортовой матери и довериться одной фантазмагоріи! Пушай Утряслов баржу свою гонят сюда к празднику, а я уж все дѣло на себя беру, с ручательством: пиротехника будет самая тонкая, — комар носу не подточит.

Вася подумал, подумал и

опять спросил:

— А как же со страховкой? Старая остается, в „Саламандрѣ“, или новую сдѣлать в „Пламени“?

Специалист подумал в свою очередь и рѣшил:

— Обязательно в обществѣ „Саламандр“ застраховаться ему, у Александра Иваныча! И полис на предъявителя. 25 процентов с него бери без никаких. Комбинація вѣрнѣе вѣрнаго.

Я сижу, слушаю, а у самой все на умѣ вертится: чего это он ко мнѣ-то присматривается, глазастый бѣс? А мужична, прямо надо сказать, ничего: очень миленькій брюнетик и в разговорѣ, видать, обходительный.

Она стали про какия-то стра-

ховки разговаривать, да про проценты, а я на кухню пошла, Мавру торопиль с самоваром. Обрато вернулась, а Вася говорит.

— Ну, Зоянька, я сейчас к Утряслову в гостиницу смогаюсь, а ты тут Федора Маркелыча чайком уважь, покедова что. А ворочусь, — ужинавать будем.

Взял он картуз и пошел, а мы вдвоем остались.

Налила я гостю стакан чаю, и мармелад в коробкѣ подвинула, а он глазами всапельными пошарил по мнѣ и сказал:

— Вот нам с вами, Зоя Ильинишна, и чайку вмѣстѣх довелось попить с конфетками, со сладенькими.

— Будто, — говорю, уж вы

такой сладкобжка?

Он зажмурился весь и башкой замотал.

— Грѣшннй, — говорит, — человек, люблю сладенькое. Со сладеньким то и в приглядку — и то прятно, а уж, прикусишь, за уши не оттащить! До сладенькаго я охотник с измалства, у нас уж это в роду. Ручку дозволите для перваго знакомства?

— Да на что же вам, — говорю, — моя ручка? Нешто она тоже сладкая?

Он со стулом ко мнѣ поддвинулся.

— А то нешто нѣтъ? Такія ручки слаще патоки и меду будут.

— Скажите, какіе еще фокусы выдумали... Да вы со стулом-то своим не очень присаживайтесь вплотную, а то я въдь на Красную горку с Василием Васильевичем законным браком сочелась.

Он руку мою ухватил и не выпускает.

— Это, — говорит, — ровно даже ничего не означает. На Красную горку законный брак, а на Вербой леспертиція. Вот оно нивому и не обидно.

Но, думаю, ты, видать, и специалист же продувной! Какую пиротехнику надумал.

И не успѣла я опомниться, как он уже за талию меня обхватил, да так в губы и впился, как пивка.

— Да в своем ли вы умѣ? — шепчу ему. — Прислуга каждую минуту войти может и вдруг такое безобразіе...

Только от такого нешто отшепчешься? Короче говоря, пришлось нам чай в полоскательницу выплескивать, да свѣжаго наливать, простыл чай то у нас от сладенькаго. Когда мужична поадедета тебѣ с обхождением, так оно постоянно не замѣтишь, как уже и замѣчать — поздно! Я таких стервецов по глазам всегда вижу: который глазами очень юлит и все вродѣ как шарят по тебѣ, обязательно сладкобжкой окажется.

Отвязалась я от него, наконец, с колѣн сыргнула, он вздохнул и говорит:

— Ах, Зоя Ильинишна, я, может, двадцать лѣт такую женщину искал по всему свѣ-

А он, подлец, ржет себя в бороду.

— Ну, что вы, — говорит, — про чего поминать выдумали! Юбка пушай себя перемята, да за то душа разглажена.

— Смотрите, кабы вас Василий Васильевич не разгладил чѣм тяжелым.

А он и тут не сдается:

— За такое времяпрепровождение готов я, Зоя Ильинишна, и пострадать даже!

Когда человек свою фантазмагорію имѣет, тогда ему на все наплевать!

И подумала я тогда ох, чѣм то вся эта фантазмагорія у нас кончится! Один брюнетик, другой с усами, у третьяго еще что нибудь замѣчательное... Какою одинокой то женщиной посреди такого губернскаго горизонта?

(Продолжение слѣдует).

ЧТО НОВАГО В ХАРБИНѢ.

(Из послѣдней почты).

— 22 апрѣля утром возник пожар на складах «Кокусай-Унью» по вновь отстроенной Тумьинской дорогѣ на станціи Нешей. Сгорѣла крупная партия бобов в 1400 тонн, застрахованных у «Кокусай-Унью» в 160 тысяч гоби. Бобы принадлежали экспортеру г. Сага и фирмѣ Васард (110 т. гоби).

— В заражном баракѣ Центральной больницы скончался от сыпного тифа д-р Алексѣй Алексѣевич Медвѣдев. Смерть настгла его на 33 году жизни. Как мы уже сообщали д-р Медвѣдев заболѣл сыпняком, приблизительно недѣли двѣ тому назад, заразившись во время выѣзда к больному в одну из зеленобазарских почлежек. д-р А. А. Медвѣдев урочено. Померло. Сын

ставляющахся принимал помнач. Главных мастерских инж. Имазуки, который обратился с привѣтственным словом. Всѣ 148 человек приняты на испытаніе. Они должны сдать пробную работу-показать квалификацію, а затѣм уже состоится зачисленіе их на службу.

— Предсѣдатель совѣта Евр. Нар. банка, вмѣсто ушедшаго в отставку прис. повѣр. Д. В. Голанскаго, избран инж. В. М. Аркин, замѣстителями предсѣдателя — А. М. Оппенгейм и Я. Б. Заскин, секретарем — М. Я. Елькин.

— Евр. народным банком получено от министерства финансов Маньчжу-го разрѣшеніе на прекращеніе банковских операцій в субботніе дни.

— В ночь на 21-ое апрѣля умерла Хана Миасевна Вуль-

Е. КАЗАЧКОВ
 Виктория - род 293
 тел. 33809
 К весеннему и лѣтнему сезонам получены в большом

國民政府航空

STATE L

12 розыгрыш будет

Китайская государственная лотерея
 фонда для усовершенствованія гр
 шоссейных до

2,499,910 дол. в призы

1 первый приз по

Встрѣча Франциска Ассизскаго с прокаженным.

ИЗ ГОТОВЯЩЕЙСЯ К ПЕЧАТИ КНИГИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКАГО.

.. Будучи однажды в Римѣ, может быть по торговым дѣлам отца, долго наблюдал Франциск, как толпившіеся на паперти св. Петра нищие просили милостыню. — «О, если бы и мнѣ хоть раз испытать!» — подумал вдруг с такою завистью, с какою в жаркій лѣтній день человек, стоящій на берегу, смотрит на купающихся в студеной водѣ и с таким любопытством, с каким стоящій на самом краю пропасти и чувствующій ея притяженіе, заглядывает в пропасть.

И так как путь от мысли к дѣлу у него всегда был краток, — только что подумал, — сдѣлал: отвел одного из нищих в такое мѣсто, гдѣ никто не мог их видѣть; свинул свое богатое платье и отдал ему, а сам надѣл его лохмотья; вернулся на паперть, стал с нищими в ряд, и протянув руку сказал не на родном итальянском, будничном, а на эвничном языкѣ «веселого эвангеля», *gaude scientia*.

— Подайте ради Христа! И первый подавннй грош сладостно обжег ему руку, как первый поцѣлуй обжигает уста.

Когда же, набрав достаточно грошей, чтобы купить себѣ хлѣба, отвѣдал его, то впервые понял — вспомнил, — что значат: хлѣб ангельскій и хлѣб челоѣкъ (Пс., 77, 25).

Но утром на слѣдующій день чего-то вдруг испугался или застыдился; купил себѣ платье богаче прежняго и вернувшись в Ассизи зажил по-старому: днем, прикащик в лавкѣ, а ночью вельможа в пиру.

Но опыт сдѣлал недаром: узнал, что если будет слишком жарко, то может окутаться в студеною воду; и если кинется в пропасть, то не упадет, а полетит, как птица на крыльях.

В 1202 году, во время войны Ассизи с Перуджіей, двадцатилѣтній Франциск сражавшійся с рыцарскою доблестью, в первых рядах войска, взят был в плѣн и посажен в тюрьму, гдѣ просидѣл цѣлый год. Но, между тѣм, как всѣ плѣнники сѣтовали горько на судьбу свою и унывали, он один веселился, наивная все одну и ту же пѣсенку:

Жу себѣ такого счастья, что и горе в счастье маѣ!

А когда спрашивали его остальные плѣнники с досадой: «чему ты веселишься, дурак?» — отвѣчал всегда одно и то же: «тому, что тѣло мое в цѣпях, а душа на свободѣ!».

Всѣ, наконец, рѣшили, что он «не в своем умѣ» или, в самом дѣлѣ, «дурак» и слушая пѣсенку его только отплевывались: «что возьмешь с дурака!»

Вернувшись из плѣна в Ассизи, зажил опять по-старому, так же, как тогда, вернувшись из Рима. Но смутное воспоминаніе о том, что было и будет, — явнѣю в душѣ его, как в темной с закрытыми ставнями комнатѣ разсвѣтающій день.

С дѣтства, наслушавшись Провансальских пѣсен и сказок о королѣ Артурѣ и рыцарях Круглаго Стола, о Роландѣ и Карлѣ Великом, мечтал он о таких же и для себя рыцарских подвигов.

— Буду велик, — говорил иногда, подвыпивши, друзьям на пирах, — буду велик — больше Артура, больше Роланда, больше Карла Великаго и Александра, и Цезаря, — больше всѣх людей на землѣ!

И вдруг умолкал, вспоминая, может быть с ужасом, пророчество матери, мовны Папы Простѣйшей: «сыном Божьим будет мой сын».

«Будет велик», а пока — только ряженый в рыцари, купчик, мѣщанин в вельможествѣ, ворона в павлиньих перьях. Не был, однако, таким «дураком», каким его считали многие: чтобы не чувствовал свое ничтожество и этим не мучился. Вот почему, может быть, старался пустить пыль в глаза. Но сдѣлать это было не так-то легко, при его наружности: маленькій, худенькій, с изможденным смуглым лицом, с оглохлыми ушами и черной, рѣдкой, клином бородкой, — самаго невзрачнаго вида челоѣчек: «так себѣ,

какой-то мѣщанишка», — вот первое от него впечатлѣніе всѣх, кто его знает и взглядывает на него мимоходом, издали. Но для тѣх, кто его узнает, все вдруг мѣняется в нем так, как будто они его никогда раньше не видѣли: такая печать благородства, как бы царственной крови, — в каждой чертѣ тонкаго лица, в узкой и длинной с длинными тонкими пальцами женственно — прекрасной рукѣ и, особенно, в чудных и страшных неповытных глазах, — темно-коричневым огнем горящих, прозрачных углей, — то с невысказанно-тяжелым, то с чарующим взором; и в тихой улыбкѣ, и в быстрых движеніях, таких стремительных, что казалось не ходит, а летает, порхает как птица; легкой-легкой весь, как пламя, как дух.

Прошировав однажды всю ночь до свѣта, шли гости Франциска веселой толпой, оглашая пустыя пустынные

улицы городка Ассизи пьяными пѣснями. Шел с ними и «король» их, в шелковом, перстом, скоморошьем платьѣ, с шутовской из золотой фольги короной на головѣ и с таким же скапетром в рукѣ. Всѣ, кромѣ него, были пьяны, так что не замѣтили, как он потихоньку отстал и ушел далеко вперед. А он, оставшись один на пустынной улицѣ, вдруг остановился, как вкопанный, с таким неподвижным лицом, как у челоѣка в столбнякѣ или дунатика. «Кажется, в эту минуту, жи меня, рѣжь, — я бы ничего не почувствовал», — вспоминалъ он потом.

Пристально, широко-открытыми глазами глядя на утреннюю в свѣтлѣющем небѣ звѣзду, переливавшуюся как исполнскій алмаз тремя цвѣтами, — голубым, зеленым и розовым, — испытывал он такое блаженство, что умирал в нем, как утренняя звѣзда в лучах восходящаго солнца. Но долго не мог понять, — вспомнить,

отчего блаженство; вдруг вспомнил: от того, что тремя цвѣтами играет звѣзда. Понял — вспомнил все, и сердце его пронзило, как молнія, число божественное: Три.

Множество было, в тѣ дни, по всему христіанскому Западу, больных для прокаженных, «лепрозоріев», так что для ухода за ними, основан был особый рыцарскій орден св. Лазаря. Так же как безуміе, «одержимость», во времена язычников проказа почиталась тогда «священною болѣзнью», потому что в обезображенном ея лицѣ челоѣческом являлся людям прообраз Того, о Ком сказано:

.. больше всякаго челоѣка обезображен был лик Его, и вид Его, — больше сынов челоѣческих... Взят на Себя наши немощи и повес наши болѣзни (Ис., 52, 14:53, 4).

Помнил также всѣ, как Прокаженный, в объятых св. Мартирія, прсобразился во Христа и вознесся на небо, сказал Святому:

«Ты не возгнушался Мною на землѣ; не возгнушаюсь и Я тобой на небѣ!»

Была и около Ассизи, на подорожѣ в Пертионкулу, больница для прокаженных. Каждый раз, как Франциск проходил или проѣзжал на конѣ мимо нея, если только вѣтер дул с той стороны, гдѣ находилась больница, — он ускорял шаг или прищипоривал коня, отворачивал голову и затыкал пальцами нос, чтобы не почувствовать, свойственного этим больным, гнусно — сладковатаго смрада, потому что не было для него в мірѣ ничего ужаснѣе этого запаха.

Прошировав однажды с друзьями всю ночь до свѣта, в загородном домѣ, возвращаясь Франциск в Ассизи верхом и не замѣтил, как подѣхал к мѣсту, гдѣ находилась больница.

«Буду велик, — больше Александра и Цезаря, — больше всѣх людей на землѣ!» — вспомнилось ему, что говорил он, по обыкновенію, друзьям своим давеча, подвыпивши.

Вдруг, на очень крутом поворотѣ узкой, между скалами, дороги, конь под ним шарахнулся так, что он едва не выбил его из сѣдла и в ту же минуту увидѣл он, что идет на него челоѣкоподобное страшилище, с безглазым, безносным, безротым лицом, зеленовато-желтым, в бѣлых струпах и красных язвах. Гнусно-сладковатым смрадом пахнул ему прямо в лицо и слышался из круглой черной дыры, вмѣсто рта, нечелоѣчскій хрип:

— Милостыню, ради Христа! Круго повернув и прищипо-

рив коня, поскакал — было всадник, во весь опор, назад; но почти в тоже мгновеніе, затынул удила так, что конь сначала взвился на дыбы, а потом, упав на переднія копыта, остановился как вкопанный. В миг, перед тѣм как это сдѣлал Франциск, почувдился ему чей-то смѣх: «будешь, будешь велик, — больше всѣх людей на землѣ!» и точно бездна завила у самых копыт коня от этого смѣха, и смрадом пахнуло из нея, гнуснѣйшим, чѣм тот, от прокаженнаго, потому что его же, Франциска, собственным.

И когда он это почувствовал, то круго, еще раз, так же как давеча, повернув коня, поскакал назад с одним только страхом, что не найдет прокаженнаго. Но тот стоял на том же мѣстѣ, как будто ждал. Не соскочил с коня Франциск, а упал, как челоѣкъ необъединенный притяженіем бездны срывается в нее с крутизны и падает. Но это была уже иная бездна, — не та, что осталась за ним позади.

Быстрым и легким шагом подойдя к Ожидавшему, стал перед Ним на колѣни, поклонился Ему до земли и вложил в лѣвую руку Его кошелек с червонцами, а правую поцѣловал, с таким благоговѣнным ужасом, как самому Царю царей и Господу господствующих. И показалось ему, что Прокаженный кладет ему руку на голову, как сюзерен, посвящающій вассала в рыцари.

Только тогда опомнился Франциск, когда уже опять сидѣл на конѣ и перед тѣм как отѣхать, оглянулся туда, гдѣ стоял Прокаженный; но никакого не увидѣл: тот исчез, точно сквозь землю провалился или вознесся на небо; может быть убѣжал, испуганный Франциском больше, чѣм тот был давеча испуган им.

Радовался Франциско, как побѣдитель. Что побѣдил? Весь мір, — как Александр, Цезарь и Карл? Нѣтъ, больше, — себя.

Лиха бѣда нажить, а потом пошло все легче и радостнѣе. Каждый день посѣщал больницу прокаженных, ухаживал за ними, кормил их из собственных рук, омывал и перевязывал их гнойныя раны; цѣловал им руки, цѣловал их в уста, и смрада их как будто не чувствовал.

«Дал маѣ Господь начать покаяніе так: когда я жил еще во грѣхѣ, очень тяжело мнѣ было видѣть прокаженных; но сам Господь привел меня к ним, и я начал за ними ухаживать... и то, что мнѣ тяжело, сдѣлалось легким и радостным», — вспомнил Франциск, умирая.

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ.